

Внутренний голос бывает не только у людей.

Цзян Чэнъи понял это ещё в пятнадцать лет. Но если внутренний голос доносился из неживой вещи, значит, в ней был «дух».

Либо у предмета зародился собственный дух, либо чужой дух был запечатан внутри.

— Подождите, дайте-ка мне взглянуть на этот колокольчик. — Увидев, что две тётушки собираются сунуть колокольчик в мусорный пакет, Цзян Чэнъи поспешно их остановил.

Будь то дух предмета или запечатанный дух, такие вещи нельзя просто выбрасывать. Вдруг его подберёт кто-нибудь другой, да ещё как раз тогда, когда этот «дух» проснётся? Тогда неприятностей не оберёшься.

Тётушки ничего не поняли и потому посмотрели на хозяина квартиры. Вещь нашли здесь, значит, распоряжаться ею, конечно, мог Ло Цюмин.

Ло Цюмин тоже не понимал, почему Цзян Чэнъи так удивился, но знал: тот не из тех, кто поднимает шум на пустом месте.

— Отдайте ему.

Приняв колокольчик из рук тётушки, Цзян Чэнъи протёр его, затем поднёс к уху, закрыл глаза и стал внимательно прислушиваться.

Пока колокольчик не трогали, как бы Цзян Чэнъи ни вслушивался, он не слышал ни звука.

Но стоило слегка встряхнуть его, как изнутри донёсся тихий, но отчётливый голос:

«Я хочу жить».

«Я хочу жить...»

«Я хочу продолжать сражаться...»

«Я хочу защищать их...»

Три внутренних голоса звучали одновременно, и каждый был одинаково отчётливым. Это означало, что для их владельца все три желания одинаково важны.

Выражение лица Цзян Чэнъи стало сложным. Ситуация, когда внутренних голосов сразу несколько, встречалась крайне редко.

Если посмотреть на эти три желания с другой стороны, их можно было понять так: владелец голоса хотел жить, потому что хотел продолжать сражаться, а продолжать сражаться хотел потому, что желал кого-то защищать.

Значит, в сущности, этот внутренний голос был желанием кого-то защитить.

Цзян Чэнъи внимательно осмотрел колокольчик. В его глазах на колокольчике проступали ряды выгравированных символов, от которых исходило слабое золотистое сияние.

Это была не печать. Это была защита духа внутри.

— Вот уж редкость... — Чтобы выгравировать на таком маленьком колокольчике столько символов, требовалось приложить немало усилий. Кто же так старался, чтобы защитить духа?

Услышав его бормотание, Ло Цюмин тихо спросил:

— Что редкость? Можешь рассказать?

Цзян Чэнъи с досадой посмотрел на колокольчик. Любопытство Ло Цюмина было не так-то просто удовлетворить.

Он медленно покачал головой и растерянно встретился с ним взглядом:

— Не спрашивайте... Я сам пока не понял, что у этого колокольчика за история.

Ло Цюмин замер. В его глазах мелькнуло удивление: оказывается, и ты чего-то не знаешь.

От такого взгляда Цзян Чэнъи аж поперхнулся. Он же не Небесный Путь, естественно, он не мог знать всё на свете.

Но, задетый этим взглядом, Цзян Чэнъи тут же вспылал желанием разобраться до конца.

— Можно мне забрать эту вещь? — спросил он. Ему хотелось вернуться и как следует её изучить.

Ло Цюмин широким жестом махнул рукой:

— Забирай! Если у меня дома ещё что-нибудь приглянется — тоже забирай!

Цзян Чэнъи ещё несколько раз посмотрел на маленький колокольчик и молча спрятал его во внутренний карман.

Едва он убрал колокольчик, как вернулась Чжан Мяомяо с Чжао Цзяминь. Вместе с ними пришла и Сяо Жуй.

— Ну как... э? Неудачно? — Увидев бледные лица Чжао Цзяминь с дочерью и их покрасневшие глаза, Ло Цюмин сразу почувствовал неладное.

Он растерянно посмотрел на жену и увидел, что в её глазах бушует гнев.

Когда две тётушки, занимавшиеся уборкой, ушли, Чжан Мяомяо схватила диванную подушку и с силой швырнула её на пол:

— Чжоу Вэй, этот подонок!

Под растерянными взглядами обоих Чжан Мяомяо глубоко вдохнула и только потом начала рассказывать, что произошло утром.

Они пришли к ЗАГСу к девяти. Чжоу Вэй явился один. Лицо у него было измождённое, но в тот миг, когда он увидел Чжао Цзяминь, выражение стало крайне свирепым и жестоким.

— Не думай, что на этом всё закончится. Может, господин Лу и остальные ради Ло Цюмина ничего тебе не сделают, но ты тоже не забывай: я родной отец Чжоу Жуй. У меня есть право видеть её в любое время и в любом месте.

Даже в присутствии Чжан Мяомяо он всё равно бросил Чжао Цзяминь угрозу.

— Смотри за ней получше. Только дай мне найти шанс, и тогда... ха-ха-ха-ха-ха!

Он смеялся как безумец.

Нет, «как» можно было убрать. Он и был безумцем.

Тело Чжао Цзяминь слегка дрожало. Ей хотелось броситься вперёд и убить этого подонка!

Развод они оформили успешно, но слова Чжоу Вэя всё равно оставили в душе Чжао Цзяминь глубокую тревогу.

— Вот так всё и было. — В глазах Чжан Мяомяо сверкал холод. — Те люди ради меня и Лао Ло ничего не сделают Цзяминь и Сяо Жуй. Даже если они не до конца удалили фотографии, можно не бояться, что они сами их обнаружат.

Но Чжоу Вэй был другим!

Когда-то семья Чжоу разорилась. Если бы Чжао Цзяминь не снималась из последних сил, Чжоу Вэй давно избили бы до полусмерти кредиторы. Откуда бы у него взялась нынешняя сытая жизнь?

А теперь они развелись. Господин Лу точно выплеснет весь гнев на Чжоу Вэй. Проект пропал, живой кошелек пропал, компания Чжоу Вэй совершенно точно не удержится.

Человека он потерял, деньги тоже потерял. Чжоу Вэй стопроцентно попытается снова повиснуть на Чжао Цзяминь!

Все трое понимали: сейчас самое важное — решить вопрос с Чжоу Вэем. Но... как именно?

Чжао Цзяминь медленно подняла голову. Её взгляд, обращённый к Цзян Чэнъи, был полон надежды. Она всё ещё помнила: тогда он спрашивал, чего именно она желает.

— Сейчас я хочу только одного: чтобы Чжоу Вэй навсегда, навсегда, всю жизнь не мог причинить неприятности Сяо Жуй! Управляющий Цзян, прошу вас.

Она потянула за собой всё ещё ничего не понимающую девочку и с глухим стуком опустилась перед Цзян Чэнъи на колени.

Но Цзян Чэнъи оказался быстрее неё: она ещё не успела как следует встать на колени, а он уже крепко схватил обеих за плечи.

— Ты уже вставала передо мной на колени. И я уже сказал, что помогу тебе. Такая мелочь решается очень легко.

Глядя на лёгкую улыбку Цзян Чэнъи, Чжао Цзяминь постепенно успокоилась.

— Съездим в супермаркет. Там есть товар, который исполнит ваше желание.

Чжан Мяомяо и Ло Цюмин одновременно расширили глаза. Они тут же вспомнили великолепный, фантастический мир за той дверью в супермаркете.

Получив точный ответ, Чжао Цзяминь разволновалась так, что едва не расплакалась. Увидев,

как слегка дрожит её тело, Цзян Чэнъи смягчился:

— Если не боитесь устать, можем отправиться прямо сейчас.

Чем раньше она получит вещь, тем скорее полностью успокоится, и Сяо Жуй больше никто не сможет тревожить.

Чжао Цзяминь глубоко опустила голову. Её бледная тонкая шея и худая спина, будто готовая переломиться от одного прикосновения, делали её похожей на лебедя, который даже на грани смерти всё равно крепко прикрывает птенца.

Цзян Чэнъи посмотрел на двух остальных:

— Вчера вечером я вам правда помешал. Сначала отвезу её и разберусь с этим делом. Когда всё решится, я снова приеду сюда. Хорошо?

Супруги Ло и Чжан, разумеется, не стали возражать. По сравнению со вчерашним днём саженец вырос ещё почти на пять сантиметров, а под густыми листьями уже показался маленький зелёный плод размером с ноготь мизинца.

Ещё три дня — и плод созреет.

Через полтора часа Цзян Чэнъи привёз Чжао Цзяминь с дочерью к входу в супермаркет.

Он открыл серую дверь, встал на пороге и протянул им руку:

— Хотя немного поздновато, но одну фразу я всё-таки должен сказать.

— Здравствуйте, добро пожаловать в супермаркет заслуг.

Едва он договорил, Чжао Цзяминь и Сяо Жуй ясно увидели: по восьми створкам ширмы с золотыми иероглифами на чёрном фоне пробежал свет, и два иероглифа «супермаркет заслуг» стали особенно яркими и ослепительными.

Таковыми же яркими были и глаза стоявшего перед ними человека.

Эти глаза ощущались иначе, чем прежде. Сейчас казалось, будто они способны увидеть всё её прошлое, и Чжао Цзяминь невольно отвела взгляд, не выдержав этого прямого взора.

Когда они вошли, Цзян Чэнъи на несколько шагов отстал и встал позади матери и дочери.

У двери он положил одну руку на плечо Чжао Цзяминь, а другой сжал золотые счёты.

Чжао Цзяминь услышала за спиной ясный звон костяшек. Вместе с ним прозвучал голос Цзян Чэнъи, который подводил счёт:

— Заслуги, оставленные предками, — четыре тысячи шестьсот очков. Три года назад пожертвовала миллион: после вычета очков за публичность остаётся две тысячи очков заслуг. Использовала водяную армию, чтобы очернить другого человека, — минус четыреста очков заслуг. Вытащила одного человека из рук капитала — тысяча очков заслуг...

Чжао Цзяминь тихо слушала эти события. Возможно, голос человека за спиной был слишком спокоен, и потому в ней не возникло страха от того, что её видят насквозь.

Очень быстро Цзян Чэнъи закончил подсчёт:

— Всего одиннадцать тысяч четыреста восемьдесят очков заслуг. Толкайте дверь сама.

— Мама! — Услышав, что мама должна войти одна, Сяо Жуй тревожно окликнула её.

Чжао Цзяминь погладила её по лицу и улыбнулась:

— Не бойся. Старший брат заслуживает доверия.

Она обернулась и посмотрела на Цзян Чэнъи. Увидев, что тот кивнул, Чжао Цзяминь глубоко вдохнула и с силой толкнула дверь перед собой.

В тот миг, когда дверь открылась, Цзян Чэнъи закрыл Сяо Жуй глаза. Тому, кто не является клиентом, лучше не смотреть прямо на то, что находится внутри.

Сяо Жуй тоже послушно замерла и не шевелилась. Только почувствовав, что ладонь перед глазами исчезла, она тут же распахнула глаза.

Дверь снова закрылась, а её мама держала в руках коробочку.

— Пойдёмте, поговорим во дворе.

Чжао Цзяминь всё ещё не пришла в себя и, как во сне, позволила Цзян Чэнъи увести её.

Когда они сели, Цзян Чэнъи щёлкнул пальцами у самого уха Чжао Цзяминь.

Щёлк.

Словно раскат грома в густом тумане, этот звук быстро привёл Чжао Цзяминь в чувство.

Она тяжело вдохнула, но едва открыла рот, Цзян Чэнъи её остановил.

— Вы не хотите открыть и посмотреть, что внутри?

Этот вопрос сразу привлёк внимание матери и дочери.

Чжао Цзяминь, прижав руку к груди, дрожащими пальцами вместе с Сяо Жуй открыла коробку.

Это была деревянная шкатулка с перламутровой инкрустацией. Внутри тихо лежали два тонких браслета.

Чжао Цзяминь столько лет провела в индустрии развлечений и каких только драгоценностей не видела, но всё равно не смогла понять, из чего сделаны эти браслеты.

Они напоминали витые серебряные шнурки, мягко сияющие лунным светом. Одного взгляда на них хватало, чтобы на душе стало спокойнее.

Цзян Чэнъи надел браслеты на запястья матери и дочери. Едва он закончил, как обе увидели: по браслетам скользнул свет, и затем они исчезли.

— Всё. Теперь, когда вы надели браслеты, вы с Чжоу Вэем взаимно заблокированы и внесены друг у друга в чёрный список.

Не увидеть, не услышать, не прикоснуться. Отныне Чжоу Вэй даже до вашей тени добраться не сможет, не говоря уже о том, чтобы вас тревожить.

<http://bllate.org/book/17657/1718797>